

Раздина Е.В.

МЕСТО ИДЕОЛОГИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО СПОСОБА ОСВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Политическая наука на современном этапе решает задачу перехода к плюрализации методологических основ, признания нетрадиционных подходов к анализу и синтеза теоретического и практического знания. Возникла потребность анализа научных и учебных текстов с целью выявления идеологических оснований и элементов идеологии вообще. Однако в последние годы специальное исследование сущности идеологии, ее характеристик как составляющей знания и роли в процессе познания не нашло отражения в научной литературе. *Целью* данной статьи является выявление самостоятельного гносеологического значения идеологии, общего и особенного между идеологией и другими элементами общественного сознания. *Объектом* данного исследования является идеология как специфический способ освоения реальности. В рамках данной цели предлагается рассмотрение следующих необходимых аспектов объекта: 1) места идеологии в системе элементов общественного сознания; 2) идеологии как способа признания истины по недостаточным основаниям; 3) идеологии как этапа познания; 4) идеологии как разновидности теории; 5) идеологии как необходимого элемента обыденного и массового сознания.

Идеологии в системе общественного сознания значительная часть философской литературы определяет место в одном ряду с наукой, религией, моралью, искусством и другими его формами. Формы общественного сознания при этом определяются как более или менее систематизированное сознание, опосредованное теоретическим или художественно-образным отражением действительности. Основанием классификации признаются объект и форма отражения, выполняемые социальные функции и своеобразие законов развития. Многообразие форм общественного сознания объясняется сложностью и разнообразием реального мира, различные стороны которого они отражают на основе конкретной общественной потребности. Удовлетворение же потребностей требует использования разнообразных приемов и способов освоения действительности. Если говорить о специфике идеологии как формы общественного сознания, то она может определяться как указанными признаками, так и гносеологическим значением, в понимании которого в современной науке нет ни единства, ни сколько-нибудь признанных подходов.

Сама типологизация форм общественного сознания является сложной научной проблемой, решение которой зависит от достаточности оснований для их выделения, точности и определенности этих оснований. Впервые формы общественного сознания были предложены в 1951 г. Ф.В. Константиновым, выделившим их пять – наука, философия, религия, искусство и нравственность. В дальнейшем к ним добавились политическая и правовая формы, а затем было предложено выделение экономического сознания, технологического, и даже, в 80-х гг., – идеал и отдельные подразделения искусства. Их предлагалось рассматривать как самостоятельные формы общественного сознания на основании специфики содержания и способов анализа. Однако, эти основания как и попытки выделения видов общественного сознания по сферному принципу оказались достаточно условными и неконкретными и допускали произвольное упрощенное «дробление» общественного сознания на фрагменты практически любого наполнения. Не более строгими при ближайшем рассмотрении оказались

уже упоминавшиеся критерии выполнения самостоятельных социальных функций, наличия «своего» предмета отражения и специфики отражения. [1, с. 14-15] По мнению К.С. Гаджиева, которое мы разделяем, правомерно говорить скорее об аспектах, уровнях и сферах общественного сознания, нежели о видах или формах, учитывая, что как раз вопрос об уровнях зачастую игнорируется или обходится.

Между тем, именно в соответствии с критерием выполнения идеями и взглядами людей специальных социальных функций выделяют такие большие области или сферы общественного сознания, как общественная психология, идеология и наука. Здесь нельзя не упомянуть позицию многих авторитетных ученых (одним из первых ее выразил В. Пугачев), считающих элементами политического сознания (как один из вариантов применения сферного критерия) политическую теорию, политическую идеологию и политическую психологию. Применение сферного принципа, таким образом, происходит дважды – на различных уровнях общественного сознания – позволяя максимально строго определить место идеологии. Хотя в данном случае речь идет не об идеологии вообще, а о политической идеологии как ее разновидности.

Это не единственный критерий выделения идеологии как самостоятельного элемента общественного сознания. Существует гносеологическое основание, которое, делая идеологию неотъемлемой частью всех иных форм общественного сознания, позволяет рассмотреть ее как специфический способ освоения реальности. В науке оно получило достаточно подробное освещение. Например, А.К. Уледов отмечал, что «в гносеологическом аспекте простейшими структурными элементами сознания выступают ощущения, восприятия, представления, понятия и добавленные к ним чувственные, волевые, рациональные образования. В социологическом аспекте ими выступают знания, мнения, убеждения, нормы, символы, ценности» [1, с. 16]. То есть, идеология как система представлений и ценностей может рассматриваться как составляющая всех мыслимых элементов общественного сознания на различных уровнях и в различных сферах, являясь необходимым этапом познания реального мира.

Этот вывод следует из понимания в широком смысле идеологии как «свод взглядов на реальность, способы ее освоения, трансформации с позиций целей, ценностей, идеалов, принятых различными субъектами социокультурной жизни, начиная с индивида, группы, класса общества, сообщества и кончая человечеством в целом» [3, с. 3]. Идеология изначально относится к уровню представления и частично восприятия, которые являются необходимыми этапами освоения реального мира в силу специфики познавательного процесса, хотя его элементы не могут выступать в самодостаточном либо расчлененном виде. Можно сказать, что условно идеологический этап познания является предварительным, то есть не окончательным, предшествующим знанию. Еще Платон разделял в соответствии с гносеологической спецификой знания (рациональные условия) и субъективную убежденность (чувственные условия), впервые вводя понимание различие научной («идеационной») и ненаучной (ощущаемой) истины. Гегель поддержал тезис о возможности ненаучной истины – недостаточно подтвержденной, которая, являясь истиной, остается истиной «в себе». Она соответствует нерелективной стадии интеллекта, не обремененного контролем собственных ресурсов (процедуры образования и преобразования знания) и стремящегося вывести истину из «чувственной реальности». В отличие от нее наука содержит рационально обработанную истину [3, с. 6].

Известное определение идеологии, учитывающее присущую идеологии изрядную долю иррационализма, было предложено еще в начале XX века К. Мангеймом: «Идеологиями называются те трансцендентные бытию представления, которые de facto

никогда не достигают реализации своего содержания». Кстати, знаменитый «парадокс Мангейма» вполне можно рассматривать в качестве указания на «участие» идеологии в составе знания либо, как минимум, в процессе его получения. Приобретение же положением достаточного обоснования «превращает» его в знание, которое по природе своей выше всех этапных «состояний», предшествующих получению истины (как высшие формы движения материи не сводимы к низшим). Отрицание этого тезиса в значительной мере ставит под вопрос существование истины и всех ее объективных начал (история философии богата такими примерами и теориями близкими агностицизму), и делает беспочвенным поиск гносеологических закономерностей. Хотя степень объективности истины может быть разной (неоклассическая теория истины, например, очень последовательна в рассмотрении этого вопроса), сама объективность, и наличие объективных элементов в инструментарии познания, едва ли может подвергаться сомнению по существу.

С гносеологической точки зрения идеология выступает способом признания истины по недостаточным объективным (опирающимся на доказательство, обоснование, экспертизу, проверку) и достаточным субъективным (персональные ожидания, прозрения, антиципации) основаниям. В этом идеология родственна вере по способу признания содержания с позиций лишь частичной убежденности в его справедливости [3, с. 3-4]. В зависимости от принимаемого в расчет уровня субъективного «наполнения» идеологии варьируется – каждое проявление «нагружается» совокупностью идей, выражающих специфику субъекта, связанную не только и не столько с потребностями, сколько с особенностями их осознания.

В этом аспекте идеологию имеет смысл рассматривать как составляющую иных уровней общественного сознания, выделение которых можно условно определить спецификой познающего субъекта: теоретическое (научное), обыденное и массовое сознание (сюда можно добавить и популистское сознание, самостоятельный статус которого обосновывается рядом ученых). Критерий деления и в данном случае не является строгим, поскольку не исчерпывается параметрами онтологической или гносеологической специфики субъекта, точнее, возможностью их полного и конкретного применения в каждом случае. Гносеологическая позиция при этом здесь применима в достаточной мере обосновано.

Научное сознание характеризуется, как уже отмечалось, достаточностью для признания содержания объективных оснований – наличием логической системы положений, строгостью дедуцирования следствий, отсутствием недоказанных либо противоречивых посылок и наличием рефлексии идеи в сознании. Сознание этого типа не может быть ни частичным, ни партикулярным, ни спекулятивным. От него идеологию отличает:

- спекулятивность – примат идей над действительностью,
- иллюзорность – принятие предметов по искусственно признаваемым свойствам, игнорирование реальных свойств предметов и явлений,
- догматичность – отсутствие сопоставления причин со следствиями, существенных связей данных частей с природой, отход от фактической природы вещей, игнорирование практики (противопоставление ей идеи как отправного тезиса),
- апологетичность – противостояние критицизму по причине оторванности от реальности, неприятие противоречащих концепции идеологии тезисов независимо от оснований,
- авторитарность – претензия на всеобщность идей, обслуживающих частные

интересы,

- репрессивность – подведение явлений под искусственные логические схемы [3, с. 4-5].

Так идеология, по выражению Ортеги, объявляет шах истине. Даже группа разобщенных знаний не образует науки, для которой характерна систематическая связь в теоретическом смысле – происходит познание «из основания». Идеологии же присущи знания, не удостоверяемые дискурсивно.

Между тем, идеология не без некоторого основания претендует на статус теории, обладая, подобно научной теории, специфическим гносеологическим этосом (правилами, ценностями, стандартами, канонами и императивами), регулирующим освоение предметности и генерацию результатов. Отличает ее выход «за пределы» науки – отсутствие последовательной дискурсии, формальная противоречивость, невозпроизводимость (с наличием установки на преобразование действительности).

Обыденное сознание служит исторически первичным способом отражения действительности – воспроизводит в формах повседневного знания реальные свойства и связи реального мира (уровень представлений здесь может быть «конечной» стадией осознания предметного мира). Обыденное сознание является способом и условием развития и взаимосвязи иных элементов общественного сознания [4, с. 24].

Идеология во многом является порождением обыденного сознания. В гносеологическом аспекте обыденное сознание служит одним из важнейших условий формирования мировоззрения, усвоения знаний, норм и оценок, являясь их духовной основой. Все эти элементы сознания, в свою очередь, влияют на формирование личностных качеств, ценностных ориентаций и идеалов (образов действительности). Идеологии, которая со своей стороны способствует выработке данных элементов сознания, принадлежит роль источника – она способствует стереотипизации обыденного сознания посредством пропаганды и иных методов, теоретически упрощая субъекту познания процесс создания образов реального мира и принятия модели «идеального будущего». И идеологии, и обыденному сознанию свойственна связь с практическим преобразованием действительности. Но если обыденное сознание формируется под воздействием практики, то идеология имеет установку на преобразование действительности по теоретическим основаниям, специфика которых уже указывалась. И обыденное сознание, и идеология испытывают влияние группового интереса. Обыденное сознание предстает как отношение познающего субъекта к противостоящему объекту в процессе деятельности, в то время как идеология – отношение такого рода через призму ценностей, сопоставление результатов деятельности (включая полученные знания) с «идеальной моделью» реальности и будущего.

Массовое сознание имеет свою специфику. Отличает его от других компонентов общественного сознания то, что оно формируется всей массой членов общества. Обуславливающие его развитие тенденции и явления в той или иной мере охватывают все общество, имея при этом специфику групп, имеющих различные идеологические ориентации (связанные с классовой принадлежностью, поскольку определяются осознанием классовых потребностей). Поскольку масса формируется не на основе интереса, то тип общности, который составляется по иррациональным или временным признакам называют «неклассический». Присущие ему некоторые черты общественного сознания не подлежат классическим приемам анализа. Западные источники считают причиной возникновения массового сознания деятельность средств массовой информации. Однако нельзя не учитывать, что всегда имеют место глубинные процессы,

противостоящие институциональной манипуляции. Массовое сознание может возникать как непосредственный итог деятельности социальных институтов (например, в сфере образования и популяризации знаний), главным образом, пропагандистских, или же как побочный продукт деятельности, рассчитанной на решение иных задач. Массовое сознание, повторяя особенности структуры соответствующей общности, не имеет четкой иерархии уровней. Его главная гносеологическая особенность заключается в аксиомизации представлений – обыденные или оценочные суждения превращаются в аксиомы, используемые как послышки для выявления построения и обоснования причинно-следственных связей. Следствия дедуцирования этих аксиом может носить сугубо теоретический характер, а научные знания превращаются в ритуальные формулы, стереотипы мышления (при этом причинно-следственная связь может обеспечиваться идеологически), утрачивающие содержание и служащие символом (внешней формой) мышления. Научное знание таким образом утрачивает объективность (доказуемость), приобретая популярность как способ доказательства (и приемлемость для реализации конкретной цели), изымается из логической системы [4, с. 31]. От массового сознания идеологию отличает устойчивость – здесь субъективные ориентации, ценности и установки достигают степени прочности предрассудка [3, с. 3]. Теоретические послышки в ряду с нестройной системой доказательств содержания создают иллюзию обоснованности основных положений, сохраняя эстетичность как основной признак освоения истины.

Итак, можно сделать ряд выводов. Идеология является способом признания истины по недостаточным основаниям. Научное знание может включать идеологические компоненты только на этапе их получения и первичного теоретического обоснования. Идеологическая составляющая не является необходимым элементом научной теории. Тезис «начала идеологии – границы науки» [3, с. 11], таким образом, представляется верным применительно к названным видам общественного сознания, содержащих «пограничный» с наукой диапазон проявлений.

Литература:

1. Гаджиев К.С. Политическое сознание или политическая культура? // Кентавр – октябрь-декабрь – 1991. – С. 14-24.
2. Зимица Л.А., Сычева И.П. К вопросу о субъекте познания социальных отношений // Вестник Московского университета, серия 12, социально-политические исследования. – 1992. – № 2 – С. 21-27.
3. Ильин В.В. Великая конфронтация: идеология и наука. К вопросу о возможности научной идеологии и идеологичной науки // Вестник Московского университета, серия 12, социально-политические исследования. – 1992. – № 5. – С. 3-12.
4. Кукушкина Е.И., Насонова Л.И. Обыденное и массовое сознание (опыт социологического анализа) // Вестник Московского университета, серия 12, социально-политические исследования. – 1991. – № 1. – С. 22-33.
5. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова, пятое издание – М.: «Политиздат», 1986. – 590 с.
6. Политическая наука: предмет и методологические основания. Сборник материалов международной научной конференции, г. Харьков, май, 2002 г. – Харьков: «Регион-информ». 2002. – 292 с.